

П. С. МАРКОВ

Тень
Великого могола

Павел Сергеевич Марков

Тень Великого могола

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70408201

SelfPub; 2024

Аннотация

1857 год. Уоррен, солдат Ост-Индской компании, во время штурма Дели отбился от своих. Пытаясь выбраться из разрушенного города, он находит среди руин раненую индианку. Уоррен еще не знает, что ему предстоит сделать выбор, от которого будет зависеть не только его жизнь.

Павел Марков

Тень Великого могола

Я увидел в этих желтых глазах свое будущее... я увидел свою смерть.

Страшный грохот раздался сразу позади меня. В воздух взметнулись облака пыли, загораживая солнце. Глаза защищало. Легкие горели, будто к ним раскаленный металл приставили. Не останавливаясь, я продолжил идти, натываясь о стены узкого проулка, словно слепец. Чувствовал, как мундир на правом плече намокает от крови. Место ранения жгло и саднило. Стиснув зубы, я шел вперед. Пули свистели над головой. Крики боли и отчаяния смешались в один монотонный гул. Но я знал – все кончено.

Обломки камня хрустели под ногами. Вступать оказалось больно даже в сапогах. Но я шел. Все время шел вперед. Будет обидно окончить жизнь под рухнувшим зданием в такой момент.

Ступни налились свинцом, я едва не поскользнулся. На пару мгновений все стихло. Различал только собственное дыхание, прерываемое кашлем. А затем я услышал это. Залп.

– Проклятье, еще не закончили? – сорвалось с пересох-

ших губ.

Инстинкт подсказал ускорить шаг. Как бы плохо сейчас ни было. С трудом разбирая дорогу, я сорвался на бег, а уже через секунду стена двухэтажного здания рухнула на то место, где я стоял миг назад. Звук падающих обломков больно ударил по ушам. Нога подвернулась. Невольно я оперся на правую руку. Из глаз полетели искры. Тело пронзила боль. Закусив губу до крови, я продолжал идти.

– Скоро, – кашляя, шептал сам себе, – уже скоро.

Вновь ядро просвистело над головой. На этот раз повезло – снаряд улетел дальше на север, сопровождая грохотом свое падение.

Пройдя еще немного, я понял, что придется остановиться. Кашель душил все сильнее. Сердце трепетало в груди. Легкие теперь горели так, словно объятые пламенем.

– Минута, – прохрипел я, облачиваясь о стену и прикрывая глаза, – одна минута. Сейчас...

Опустил веки и мысленно приказал успокоиться.

«Ровнее. Бейся ровнее».

Было опасно. Шальное ядро могло прилететь в любой момент, но я обязан передохнуть. Иначе просто свалюсь прямо на эти груды обломков.

С минуту я просто стоял, закрыв глаза и сосредоточившись на дыхании. Пыль так и норовила забраться в легкие, но кашель немного отпустил. Горло саднило, поэтому старался дышать малыми вдохами. Сердце медленно успокаивалось.

валось.

Вдали продолжали раздаваться выстрелы и крики, но ядра больше не рассекали воздух над головой.

– Уже хорошо.

Отдышавшись и немного отдохнув, я поднял веки и продолжил путь по проулку, внимательно смотря под ноги. Видимость немного улучшилась, но все равно оставалась очень низкой. Впереди показался просвет. Где-то там выход к Кашмирским воротам[1]. Точнее к тому, что от них осталось. Наши пушки камня на камне не оставили. А потом и до Джамны[2] недалеко.

– Надеюсь, они не возобновят пальбу, – прошептал я и тут увидел человека.

Он лежал прямо на земле среди мусора. Подойдя вплотную обнаружил, что это женщина. На желтом сари с вышитыми цветками лотоса виднелись капли крови. Около шеи. Видимо, ударило обломком по голове. Несмотря на боль в раненом плече, я склонился и пощупал пульс. Сердце билось.

В этот миг женщина вздрогнула и резко отпрянула, прижавшись к стене напротив. С лица, красоту которого не могли скрыть пыль и грязь, на меня смотрели большие черные глаза.

– Энглези[3], – сорвалось с ее губ. И в этом слове сквозила неприкрытая ненависть.

Я винить ее не стал. В армию Ост-Индии нередко набирали всякий сброд по пабам Альбиона.

Она тяжело задышала и выставила руку перед собой, защищаясь.

Я покачал головой:

– Не бойся. Просто уходи.

В ее глазах вспыхнул гнев с примесью страха. Она не доверяла мне. Глупо было ждать обратного. Наверняка считала, что выстрелю ей в спину... или чего еще хуже.

Я демонстративно опустил винтовку дулом вниз и кивнул:

– Уходи.

Продолжая неотрывно следить за мной, прекрасная незнакомка встала, опираясь о стену. Затем сделала несколько шагов в ту сторону, куда шел я.

– Нет!

Она вздрогнула, как от выстрела. Ее зрачки расширились.

– Выйдешь прямо на нас, – покачал головой я, затем указал себе за спину, – немного назад и в другой проулок. Так будет больше шансов. Поняла?

Я не увидел проблеска иных чувств в ее глазах, кроме тех, что уже были. Страх, ненависти и недоверия. Но и не ждал от нее большего. Помедлив пару секунд, будто обдумывая мои слова, она пошла в указанном направлении. При этом не сводила с меня глаз. Я стоял и не шевелился. Дуло винтовки продолжало смотреть в землю. Вскоре незнакомка скрылась за завесой дыма, а ее шаги потонули в отзвуках отдаленной канонады.

Вздохнув, я продолжил путь.

«Интересно, выберется ли из города?».

Если не нарвется на солдат компании, то возможно. В противном случае вряд ли. Среди их рядов хватает мразей. Нет. Я не ангел. Но в убийстве беззащитных чести нет.

Я устало облокотился о деревянный вагон поезда и осмотрел свой мундир. Да, он оставлял желать лучшего. На животе полностью порван. Хорошо, что тот остервенелый сипай не дотянулся здоровенной пикой до кожи. Иначе я бы так и остался валяться на улицах Дели с выпущенными кишками. Правое плечо продолжало жечь и саднить. Вражеская пуля оставила на теле глубокую борозду. Сейчас она скрывалась за бинтами, успевшими побагроветь от крови.

Выдохнув, я протянул руку к поясу и достал флягу. Поднес к пересохшим губам. Вода внутри превратилась в теплую и дурно пахнущую жижу, не способную утолить жажду.

– Ну, – прошептал я, – выбирать не приходится.

– Чего, Уоррен? – донесся знакомый голос.

Я отвел взор.

К поезду приближался Вилли Акер. С лицом, измазанным кровью, треснутой каской и в порванных сапогах. Усталый, изможденный, но счастливый, что удалось выбраться живым из этого ада. Впрочем, как и я.

Приятель отошел от группы солдат, медленно прибываю-

щих к вагонам. Он держал «Энфилд»[4] на левом плече и улыбался во весь рот.

– Водички попить не найдется? – весело спросил он. – А то поганый сипай мне фляжку прострелил.

– А ничего другого он тебе, часом, не задел? – хмыкнул я и бросил ему сосуд.

Вилли ловко поймал его на лету:

– Не-не, там все целехонько, – тут он кивнул в сторону руин, дымящихся вдалеке, – чего не скажешь о них.

Я проследил за взглядом товарища. В той стороне, подернутой дымкой от зноя, виднелось то, что осталось от Дели.

«*Интересно, вышла?*» – подумал я о незнакомке, а вслух сказал:

– Слышал, мечеть рухнула.

– В хламину, – кивнул тот, – мне чуть уши не заложило.

– Не мудрено, – задумчиво произнес я.

– Ага, – Вилли отсалютовал фляжкой, – ну, за упокой империи Великих моголов! Теперь-то уж окончательно!

– Аминь, – прошептал я.

Вилли не расслышал. Он жадно припал к сосуду губами. Кажется, его ничуть не смущала нагретая вода и отвратительный запах. Опорожнив флягу наполовину, он смачно причмокнул и швырнул обратно. Я поймал предмет, но не так искусно. Раненое плечо пришло в движение, заставляя морщиться. Пристегнув фляжку обратно к поясу, я вытер пот с лица. Жаркое индийское солнце вкупе с высокой влаж-

ностью настроения не добавляли.

– О, кстати! – воскликнул Вилли. – Пока пробирался сюда, наткнулся на местную дуреху посреди руин.

– Вот как?

Мне были слабо интересны похождения приятеля в этот момент. Я хотел поскорее войти в поезд и забыться сном. Быть может, даже до самой Калькутты. Наша часть понесла серьезные потери и в добивании восставших участвовать не собиралась.

– Ага, – кивнул он, – чокнутая на бошку. Зенки на меня свои черные вылупила и заорала какую-то околесицу.

– И что же она кричала?

– А шут ее знает. Я разбираться, поди, должен в местных деревенщинах?

– Ты сам родом из деревни, Вилли, – хмыкнул я.

– Ну, тык, в своих дурачках я и разбираюсь, а в местных – черт ногу сломит! – расплылся в ухмылке тот.

– И что было дальше?

– Ну, – он потер грязный лоб и поправил дырявую каску, – увидела меня, да как заорет! Мол, бойся, проклятый энглези! За твои грехи дух Бабуина тебя накажет!

– А ты что?

– А что я? Ножик ей под ребра всадил, шоб не орала да дальше пошел.

– Она была безоружна?

– Да какое там, – отмахнулся тот, – одно сари желтое, да

чумазая вся.

Я похолодел. Видимо, кровь отхлынула от лица, ибо Вилли озадаченно посмотрел на меня.

– Уоррен, ты чего?

– Ничего, – быстро отвернулся я.

– Да я ж вижу, ты побелел, как овца.

– Не люблю, когда убивают безоружных, – я постарался придать голосу твердости, но на последнем слове он предательски дрогнул.

– Так это ж поганая индуска!

– Какая разница?

– Дык они ж наших пленных как скот порезали!

– И что? – пожал здоровым плечом я, овладевая собой. – Это значит, что стоит им уподобляться? Да и сомневаюсь, что та «поганая индуска» лично перерезала горло нашим пленным.

Пару секунд Вилли оторопело глядел на меня, а затем заржал на всю округу. Аж винтовку едва не выронил.

– Ну ты даешь, Уоррен, – сквозь слезы проговорил он, – давненько ль таким сентиментальным заделался?

Я натянуто улыбнулся:

– Да вроде всегда был таким.

– Ну уж не к сипаям милосердие проявлять!

Я промолчал. Убийство безоружного, пусть и врага, всегда считал бесчестным. Но эта позиция не пользовалась популярностью в воинской среде армии Ост-Индской компа-

нии. Особенно после восстания, учиненного сипаями. Так, что приходилось держать принципы при себе.

– Так, – решил перевести тему я, – о каком Бабуине шла речь?

– А я знаю что ли? – хмыкнул Вилли. – Чего творится в головах местных дурачков?

– Хм, – я на мгновение задумался, – а точно Бабуин? Может, ослышался? По голове, смотрю, тоже нехило прилетело.

– Ну, меня-то за дурачка контуженного держать не надо, ладно?

– Просто бабуины здесь не водятся, – улыбнулся я.

– А ты откуда знаешь?

– Я не деревенский дурачок. Книги иногда читаю.

– Пха-ха-ха, – вновь залился смехом Вилли, – всегда знал, что язык у тебя подвешен.

– Есть немного.

– Т-а-а-к-с... – чуть нахмурился он, – а мож и не бабуин, кстати.

– Определенно.

– Вижу, заинтересовали тебя мои геройские похождения!

Я едва сдержался, дабы не скривиться. Убийство женщины не тянуло на эпический подвиг. Говорить это в лицо Вилли я, разумеется, не собирался. В целом, он был неплохим парнем. Душа компании. Только вот истинно верил в то, что говорили ему свыше. Раз сипаи исчадия ада – значит, так и есть. А свое серое вещество напрягать не стоит. Да и, при-

знатья честно, я сомневался, что оно у него было.

– Бабуины тут не водятся, – просто повторил я.

– Э-х-х, – протянул Вилли и почесал затылок. Каска съехала на лоб, придавая глуповатому лицу забавный вид. – А... ну да, точненько! Никакой не бабуин. Бабур, во!

– Вот это другое дело, – хмыкну я.

– А че, есть разница что ли?

– Если бы ты не только пас овец и пил пиво в пабах, а хоть иногда почитывал книги...

– Сдались мне твои писульки, – отмахнулся Вилли.

– То знал бы... – невозмутимо продолжал я, – что так звали основателя империи Великих моголов.

Он вылупился на меня:

– Да ну, правда что ли?

– Истинная, – я помассировал шею. Тело нуждалось в отдыхе.

– И где он сейчас?

Я взглянул на Вилли, как на непроходимого тупицу. Впрочем, то было недалеко от истины.

– Он мертв.

–Эт хорошо! Давно?

Я пожевал нижнюю губу:

– Три века прошло.

Глаза Вилли вылезли из орбит. Челюсть отвисла. Теперь он походил на рыбу, выброшенную на берег.

– Так, а ты же сказал...

Я застонал:

– К реставрации он не имеет никакого отношения. Неужели тебя и впрямь так контузило?

Он не обиделся и задорно хихикнул:

– Ну, в глазах вроде б не двоится. Дурацкое имечко, – Вилли сплюнул на землю, – как и все здесь.

– Оно означает тигр.

– Хе-хе. Прищемили мы хвосты потомкам тигра, получается.

– Да, – с вялой улыбкой кивнул я.

Раздался громкий гудок.

– О, наконец-то! – воскликнул Вилли. – Отчаливаем. Повезло нам все-таки, что не бросили добивать этих выроdkов.

– Да уж.

Я подхватил свой «Энфилд», приставленный рядом, и приготовился запрыгнуть в последний вагон. Те немногие, кто уцелел из нашего отряда, уже подходили к железнодорожному полотну. Усталые и изможденные лица, перепачканные сажей и кровью. Но все, как один, счастливые. Ведь им удалось остаться в живых.

Меня разбудила тишина. С трудом разомкнул тяжелые веки. Все тело ныло. Плечо продолжало сильно жечь. Похоже, придется обратиться к врачу. Протерев глаза, я прислушал-

ся. Поезд стоял на месте. Ни движения, ни звука колес, передвигающихся по полотну. Наверное, очередная короткая остановка. Вряд ли мы уже добрались до Калькутты.

Тихо выдохнув, я присел и облокотился спиной о перегородку.

В вагоне стоял непроглядный мрак. Настолько густой, что я не мог различить соседнюю стену. Откуда-то справа доносился храп Вилли. Приятель сопел на весь вагон так непридуманно, будто его разморило с прогулки, а не после ожесточенного боя среди города.

Снаружи доносилось стрекотание кузнечиков. Настолько громкое, что иногда перебивало сладкий храп армейского товарища.

Внезапно я почувствовал сильный зуд в области шеи. Резким движением провел по коже и ощутил, как пальцы раздавили нечто мягкое. Даже не глядя, лишь по опыту, мог с уверенностью сказать – вагон заполонили москиты. Орда кровососущего гнуса не редкость для здешних мест. Но...

– Как-то уж больно много, – прошептал я, стряхивая с ладони размазанных насекомых.

И в этот момент мой сонный взор упал на деревянную створку возле входа в вагон. Она была распахнута настежь.

Я нахмурился. Ведь точно помнил, как велел Вилли плотно запереть ее сразу после того, как поезд тронулся в путь.

«Неужели опять открыл, пока я спал? Он вечно жалуется, что в вагоне слишком душно. Деревенский идиот. Разве

не понимает, что это опасно?».

– Вилли.

В ответ я услышал сопение.

– Вилли, сукин-сын! – полушепотом цыкнул я.

Храп лишь усилился.

– Проклятье...

Придется вставать. А так не хотелось. Но деваться некуда. Не хватало еще, чтобы во время простоя в вагон заползла кобра. Мангуста за пазухой ведь не ношу.

Поморщившись, я протянул здоровую руку вперед, нащупывая впотьмах стену, дабы опереться о нее, как вдруг замер на месте. Пальцы вцепились в перегородку. В мизинец вонзилась заноза, но я даже не заметил ее. Я почувствовал, как сердце екнуло в груди.

Выход из вагона загоразживал чей-то силуэт. В сгустившемся мраке он казался слишком расплывчатым, чтобы можно было увидеть наверняка. Но меня привлек в первую очередь не он. А две светящиеся точки. Примерно на уровне моего лица. Желтые и немигающие, они смотрели прямо на меня. Да. Именно смотрели. Ибо каким-то шестым чувством я понял – это глаза.

Они взирали прямо на меня. Не мигая и не отрываясь. И была в них какая-то угроза. Вкупе с давящим мраком, она

заставляла мурашки бегать по коже.

Секунду я просто молча смотрел на эти желтые точки, светящиеся во тьме. Смотрел, не рискуя шевельнуть и пальцем. Силуэт продолжал загораживать выход из вагона. А вокруг по-прежнему была тишина. Если не считать сладкого храпа Вилли да трели кузнечиков. Ни голосов, ни криков. Будто весь поезд разом вымер, и остались только мы.

Сердце гулко ударилось о ребра. Мой рот приоткрылся. Я решил разбудить Вилли и позвать на помощь, но слова застряли в горле. Силуэт качнулся и слегка приблизился. Глаза продолжали неотрывно наблюдать за мной. И теперь я уловил в них не только угрозу. Неизвестный словно предупреждал – *«только попробуй, и тебе конец»*.

Все тело напряглось. Я почувствовал, как повязка сильно намокла, а едва затянувшаяся рана снова вскрылась. Здоровой рукой начал шарить впотьмах, молясь найти «Энфилд». К счастью, винтовка лежала рядом со мной, и ладонь быстро нащупала ее. В тот же миг нечто придвинулось еще ближе и буквально вперило в меня свой взор.

Я замер, словно кролик перед броском кобры. Дыхание участилось. Внезапность. Стремительность. Страх и нереальность происходящего смешались в голове, притупляя сознание. До меня слишком медленно стало доходить, что в этих глазах я вижу... разум. Таким взглядом не может обладать тигр или лев. Взор зверя лишен всего, кроме инстинктов. Сейчас же на меня будто смотрел человек... желтыми

немигающими глазами, полными угрозы. И это начинало вызывать ужас.

– Кто ты? – беззвучно произнесли мои пересохшие губы.

Он не ответил. Силуэт продолжал скользить по вагону, скрываясь во мраке. Лишь светящиеся глаза позволяли определить, где тот находился. И сейчас пришелец из тьмы остановился прямо возле Вилли.

Меня прошиб озноб. Палец лег на спусковой крючок «Энфилда». И в ту же секунду взгляд буквально пригвоздил меня к месту. Сердце зашло в бешеном ритме. Даже среди боя оно не колотилось столь неистово. Словно издалека я услышал тихий голос в голове.

«Попробуй. И тогда ждет тебя смерть. Выбирай. Выбирай».

– Что? – вновь беззвучно прошептал я.

«Выбирай».

Разум подсказывал, что нужно немедленно схватить винтовку и попытаться пристрелить этого дьявола. Поднять поезд по тревоге. Но что-то удерживало меня. Я словно увидел в этих желтых глазах свое будущее... я увидел свою смерть.

Мрак сгустился над Вилли. Теперь я почти не различал контуров его тела. Приятель продолжал смачно похрапывать, даже не догадываясь о чем-то присутствии.

«Выбирай».

Мой взгляд метался от винтовки к неизвестному и обратно. Мозг лихорадочно пытался найти выход. Пот заливал ли-

цо.

«Выбирай».

Палец на курке задрожал. Некто не сводил с меня своих глаз. Он будто видел мое существо изнутри. Читал каждую мысль. Я понимал, что не успею. Не успею позвать на помощь, при этом сохранив себе жизнь.

«Выбирай».

Нереальность происходящего полностью охватила разум.

– Не могу, – прошептал я.

«Выбирай».

– Он ранен и беззащитен.

«Выбирай».

И я выбрал... Но до сих пор не знаю, был ли этот выбор осознанным. Палец отпустил курок.

В ту же секунду глаза рванули вниз. Я услышал тихий хруст и сдавленный хрип. Что-то брызнуло мне в лицо. Я не мог видеть, что. Было слишком темно. Но почему-то знал – это кровь.

Желтые немигающие глаза вновь вперились в меня. Пробрали до дрожи. Будто была лихорадка. Угроза продолжала светиться в зловещем взоре неизвестного. Я не в силах был оторвать взгляд. Прошло несколько секунд. Томительных секунд, длинную в вечность. Затем нечто рвануло к выходу. Я услышал жуткий стук. Как голова Вилли безвольно ударяется о доски. На мгновение в проеме вагона мелькнул огромный силуэт, держащий в пасти бездыханное тело. Затем он

исчез.

Раздался гудок... Поезд тронулся в путь.

В помещении стояла духота. Вместе с голыми белыми стенами, она навевала тоску. Сидеть здесь было неуютно. А еще неуютно оказалось наблюдать за пристальным взглядом военного инспектора, устроившегося напротив за столом. Сквозь маленькое окно над его головой лился солнечный свет. Наш поезд остановился на небольшой станции. До Калькутты оставалось далеко.

– Давайте еще раз повторим, – сухо молвил инспектор и скрестил руки на мундире.

– Давайте, – вздохнул я.

Он пожевал нижнюю губу. Лихо закрученные усы забавно дернулись, но мне сейчас было не до смеха.

– Итак, вы были в вагоне вдвоем.

– Да, – кивнул я и шепотом добавил, – хоть где-то повезло.

– Что?

– Жаль, что вдвоем, – как ни в чем не бывало, ответил я.

– Когда поезд тронулся, вы закрыли дверь?

– Да.

– Лично вы?

Я покачал головой:

– Нет. Это сделал Вилли. Мое плечо не позволило.

– А когда проснулись среди ночи, то перегородка была вновь открыта?

– Настежь.

– Это вы ее открыли?

Мои брови взмыли вверх:

– Я похож на идиота, господин инспектор?

Ни один мускул не дрогнул на его каменном лице:

– Отвечайте на вопрос, мистер Уоррен.

– Нет, не я.

– Ваш сослуживец?

– Не знаю. Когда я проснулся, он спал.

– Думаете, это он открыл дверь?

– Может быть, – я пожал плечом, – Вилли часто жаловался на духоту в поезде.

Инспектор подался вперед и вперил в меня колючий взгляд:

– Но никто не сможет подтвердить ваши слова, мистер Уоррен.

Я криво усмехнулся:

– Как и опровергнуть.

– Вы были весь в крови.

Мои брови снова взмыли вверх:

– По-вашему я, с раненой рукой, прирезал в ночи товарища, а затем сбросил тело с поезда? Вы сами верите в это? Да и зачем мне это делать? Украсть жалкое жалование?

– Здесь я задаю вопросы, – невозмутимо ответил инспек-

тор и откинулся на спинку стула, – кто это был, вы видели?

На пару секунд я замялся. Взгляд стал отрешенным. Я вновь вернулся в памяти к событиям прошлой ночи. Перед взором предстали желтые немигающие глаза, которые пронзают насквозь... глаза, полные разума...

Я взял себя в руки и уверенно произнес:

– Тигр.

– Тигр, значит.

Я кивнул:

– Да, тигр.

Инспектор сощурился:

– Но как вы можете утверждать это, если в вагоне было темно?

– Ну, а кто это еще мог быть? Призрак могола? – я нервно хмыкнул.

– Повторяю, вопросы здесь задаю я, – отрезал инспектор и пожевал губу, – следите за языком, мистер Уоррен.

В комнате повисла тишина. Осязаемая и гнетущая. Лишь снаружи доносились приглушенные голоса солдат. Плечо снова разболелось. Я тяжело вздохнул.

Наконец, инспектор молвил:

– Вы задержаны, мистер Уоррен.

– Надолго?

– До выяснений.

Его так и не нашли. Несмотря на то, что господин инспектор оказался дотошным малым и заставил прочесать все пути от одной станции до другой. А заодно и все окрестные джунгли. Безрезультатно. Ни крови, ни тела. Вилли словно сквозь землю провалился. И лишь багряный след, тянувшийся по полу вагона вплоть до выхода, говорил о том, что мне ничего не привиделось той ночью. След... да алые пятна у меня на лице.

Инспектор так просто сдаваться не хотел, однако Ост-Индия не намеревалась тратить время на поиски пропавшего бойца. Тем более, когда в стране еще полыхают очаги сопротивления сипаев. Он, конечно, повозмущался. Уж больно мечтал выслужиться перед вышестоящими, но в итоге уступил. Меня же пришлось отпустить, ибо явных доказательств моей вины найти не удалось.

Вернувшись в Калькутту, прошел осмотр у врача, ибо рана продолжала сильно жечь. Оказалось, пуля задела не только мышцы, но и кость. Стрелять смогу уже не скоро. Предложили вернуться в Англию. Я согласился незамедлительно. Ибо с той самой ночи я больше не знал покоя.

Я помог женщине в руинах Дели. По иронии судьбы она пала жертвой дурачка Вилли. Но потом я не предпринял ни малейшей попытки, чтобы спасти его самого.

Меня буквально рвало изнутри. Жалость к той женщине смешивалась с чувством отвращения. Отвращения к самому себе. Ведь я мог помочь Вилли. И не мне судить, заслуживал ли он той участи, что его постигла. Я мог помочь. Но не стал. Испугался за собственную жизнь. И теперь каждый раз, когда смотрел на джунгли, то среди густых зарослей и ветвей видел глаза. Желтый, немигающий взгляд, в котором таилась угроза, и светился разум.

Кто это был? Тигр, забравшийся в поезд или в самом деле тень Великого могола? И кто открыл дверь в вагон?

Я не знал ответов на эти вопросы. И скорее всего не узнаю никогда. Но твердо уверен в том, что видел той ночью. И оно останется со мной. Навсегда.

[1]Кашмирские ворота – ворота в Дели, построенные британцами в 1835 году.

[2]Джамна – река в Индии. Является самым длинным и многоводным правым притоком Ганга.

[3]Англичанин.

[4]«Энфилд» – стрелковое оружие, винтовка калибра 577, которая была создана в Британской империи и использовалась ею с 1853 по 1867 год.